

Часть I

**КОНТИНЕНТ РОССИЯ:
СУММА РУССКОЙ
ИДЕОЛОГИИ**

Многое в этой книге — «всего лишь» прописная истина. Но истина как бы выбывшая из обязательного ежедневного употребления, подзабытая, сознательно замалчиваемая или грубо, до неузнаваемости искажаемая. Нужно помнить, что «все мы карлики, сидящие на шеях гигантов», как считал Исаак Ньютон. В отличие от естественных наук значение авторитетов в сфере идеологии сохраняется. Но со временем мы перестаем их *понимать*. Идеологическая традиция требует осмысления **каждый раз** при изменении исторических условий. Русская идеология предшествовала созданию русского государства. Русскими идеологами были государи и патриархи, русские святые и русские безбожники, летописцы и историки, поэты и учёные, политики и общественные деятели, коммунисты и беспартийные. Русская идеология связывалась и складывалась в замыслы и программы формирования русского государства — главного нашего достояния.

Возможен вопрос: кто «придумывал», замышлял русское государство? Какую роль в этом сыграла «интеллектуальная дискуссия» — Ивана IV Грозного с князем Курбским, Алексея Михайловича Тишайшего с патриархом Никоном, реформаторов обряда с Аввакумом, западников со славянофилами, либералов с патриотами? По нашему глубокому убеждению, именно русские государи (и их ближайшее окружение, непосредственно с ними связанное) — начиная со святого равноапостольного князя Владимира — **и были главной интеллектуальной силой русской истории, обеспечивая её преемственность и концентрируя в себе весь предшествующий опыт.**

Интеллигенция появилась на свет благодаря последовательным просветительским инициативам государей. Эта постоянная вторичность её происхождения, включая раннюю, церковную, интеллигенцию, а также явный *дефицит мышления, то есть последовательного исторического анализа собственного опыта*, культурной преемственности, склоняли ход дискуссии в русло оппозиции власти, по преимуществу — политической борьбы, а не участия в проектировании.

Даже и позднейшая советская интеллигенция — снова вторичная и созданная как бы на пустом месте в основной *массе* из неграмотного народа — и та страдала старым русским *теократическим комплексом* (теперь уже в варианте *человекобожия*), хотела от власти своего обязательного участия **в принятии решений**, навязывала себя в качестве

совести, хотя сама оперировала в основном книжными знаниями вне контекста их создания и применения.

Идеология нуждается в серьёзном и критическом отношении к проектам и предсказаниям предшественников, ко всему, что доказало свою состоятельность, в обязательности выводов из уже известного нами. Идеология — это надёжная, *детальная* память о победах и поражениях, знание их причин и обстоятельств, понимание закономерного и случайного, подлинных мотивов людей. Идеология требует постоянного размышления с учётом новых данных и обстоятельств, ***а вовсе не формальной оценки и деления всего на свете на хорошее и плохое.***

Идеология не может ограничиваться известным и авторитетным, иначе её ждёт судьба советской идеологии — извращение её сущности. Советской идеологии плохую службу сослужила её общеобязательность, попытка политической монополии большевиков/коммунистов превратить идеологию в *светскую веру без Бога и догму*. Идеолог же должен ***рисковать***, самостоятельно рассуждая, поскольку эту работу за него никто не сделает. Он должен ставить *проблемы*, определяя, чего ***именно*** мы не знаем, на какие вопросы не имеем ответов, какие решения не имеют не только оснований, но и способов их нахождения. Идеолог работает в ситуации действия *на границе знания и веры*, и его дело — обеспечить деятеля всем доступным необходимым знанием, осознавая принципиальную недостаточность последнего, его спорность, неполноту. Идеология не избавляет действие от риска, но делает риск осознанным и максимально управляемым. Идеология есть *практический разум, ум*.

Русский «приват-доцент» традиционно не любит идеологии, как и проявлений ума вообще. «Приват-доцент» — в безопасности, он ничего не делает, ничем не рискует, пересказывая написанное другими, *преподаёт*, не задавая себе — и читаемым авторам — вопросов: зачем они это писали? Для кого? Где авторы лгут сознательно, а где добросовестно заблуждаются? Ведь разбираться в этом считается в преподавательской среде неуважительным и неприличным. А уж собственные теории им дороги как дети. Тем более нельзя задавать вопросы о том, *зачем и для чего* созданы эти теории. На них во многом построено социальное благополучие их авторов. Причём как в плане карьеры (формального признания заслуг), так и со стороны политической ориентации.

В отличие от современного «приват-доцента», идеолог осваивает и продолжает основную научную традицию — сомневаться. И всегда готов заново построить теорию конкретного действия в конкретной ситуации, опирающуюся на передачу и понимание опыта предшественников, а только такие теории и эффективны.

Преподавание гуманитарных дисциплин только тогда станет осмысленным и полезным, когда оно будет осознано, отредактировано и подано как **честное и открытое идеологическое обеспечение человеческой деятельности**. Идеология в первую очередь призвана обеспечивать *политику и войну — и всякую социальную стратегию вообще*. Но она также нужна при любом смелом *индивидуальном* человеческом начинании. Именно идеология и размышление о ней дают индивиду силу противостоять конформизму общества, дают шанс на успешное *личное действие*.

Те, кто хочет лишить нас идеологии, а значит основного средства выживания в условиях политических, экономических, культурных и социальных изменений, кризисов и катастроф, доказывают, что идеология — это *принуждение к определённой образе мыслей*. Это искажение действительности. К мысли принудить нельзя. А вот мысль «принуждает» нас ко многому. Сами «критики» идеологии утверждают, что вот у них «нет идеологии вообще» — чего и нам желают. Это прямая ложь. **Идеология — знание, на которое мы опираемся с осознанным риском и пониманием его недостаточности, но без которого выживание социума, и правление, и даже жизнь отдельного человека невозможны в принципе**. Здравый смысл, используемый при демократическом голосовании, также не может заменить идеологию. Последняя, в отличие от здравого смысла, направлена как раз на постановку целей в ситуациях неопределённости и изменений. Те, кто говорит, что у них нет идеологии (якобы они свободны от неё), в действительности её *скрывают*.

Эту политическую реальность осознал и описал Никколо Макиавелли в известном трактате «Государь». Демократии, подчиняющие себе государство в качестве инструмента (это и описывает Макиавелли), исповедуют именно тайную идеологию. Государь-монарх, а тем более самодержец, *не может ничего скрыть от подданных*. В доме царя не должно быть тайны. Отсюда — неизбежность государственной морали. **В основе государственной идеологии и морали лежит**

пройденная правлением история, опыт преемственности власти и её воспроизводства.

Коммунистическая политическая монополия попыталась сделать *публичной массовой идеологией* научное знание о социуме, но столкнулась с высочайшим темпом его старения, а потому свернула на путь замены его *светской верой*. Последнее привело коммунистическую сверх-власть к неожиданно быстрому историческому падению, отсроченному Второй мировой войной и последовавшим *противостоянием двух систем*. Возвращение к приоритету исторического знания в основаниях государственной идеологии неизбежно требует обновления и восстановления в правах самого исторического знания.

Декарт считал историю не заслуживающими доверия рассказами. Ведь исторические записи тенденциозны, искажены, неполны. Однако у нас всегда есть наличная данность исторической *целостности*. Это настоящее. Данное нам в настоящем *содержит всю историю в себе*. И записи суть только один из инструментов его исследования. Таким образом, **история имеет предмет — цели, мотивы и основания коллективного поведения и действия людей, системную связь между всеми действиями и всеми последствиями**. Простая причинно-следственная связь не прослеживается в историческом процессе. История, таким образом, это основная среди гуманитарно-социальных дисциплин, рамка, контекст и материал для них всех.

Попытка отменить историю, объявив её «конец» (*чтобы отменить идеологию*, на ней базирующуюся), часто предпринимается через отождествление истории с *мифом как полезной и неизбежной выдумкой*. Якобы да, миф, конечно, нужен. Каждому народу свой. Тут нет ничего, кроме попытки опять-таки заменить науку светской верой. Одним выстрелом пытаются убить двух зайцев — и миф, и историю. А ведь и миф, и историческое знание развиваются на пути к истине. *Миф — не выдумка, а устное предание, тогда как история — письменное*. Миф описывает повторяющееся, история — уникальное и единичное. **Народ, отказавшийся знать свою историю, быть преемственным по отношению к ней, обречён на уход с исторической сцены**. Важен и миф — он, в частности, обеспечивает появление *героев* и **повторение** ими подвигов во имя народа и государства. По большому счёту очень многое из того, что требуется, мы уже знаем.

Нужно сделать из этого правильные выводы *в нашей ситуации* — это и будет русская идеология.

Русская история самостоятельна. Схема изложения истории, связанная западной *знаниевой пропагандой*, состоит в том, что главная линия мировой истории разворачивалась в Западной Европе, отталкиваясь от римского и греческого начала. А все остальные народы якобы лишь догоняли европейцев, более или менее качественно, но с заведомым опозданием воспроизводя их шаги по уже заданному образцу.

Подобное представление не устроило уже англосаксов — как в островном, так и в заокеанском американском изводе. Ни те ни другие *европейцами* себя никогда не считали и не считают. У них *своё* начало истории. А у Индии? А у Китая? Авторы *цивилизационной концепции* (Тойнби, Квигли) постулировали самостоятельное развитие цивилизаций, среди которых (у Квигли их существенно меньше, чем у Тойнби) **однозначно выделена русская цивилизация**. У нас есть собственный основатель концепции цивилизационного развития — Н. В. Данилевский, и вообще-то он был *первым*. Раньше догадался.

Россия — континентальная империя, которая не грабит свою территорию — или другие территории по миру — и не организует расистской иерархии населения с самого своего основания (расистский Древний Рим пал, когда дал гражданство всем жителям). **Россия — военная, а не олигархическая империя (какой была отчасти Византия и какой являются США)**. Финансовые системы — как управленческие, но не властные, а потому не связанные с конкретным народом, именно в силу последнего обстоятельства исторически неустойчивы. Центр олигархии перемещался из Флоренции в Венецию, оттуда в Голландию, оттуда в Англию, а из неё — в США, где уже созрела фундаментальная финансовая проблема долга. Всё это время Россия оставалась Россией и последовательно развивалась и росла.

Только рассматривая историю России как самостоятельную, можно понять уникальную и выдающуюся роль российского государства как самого развитого государства в мире, в выживании человечества, **а значит, и иметь эффективную русскую идеологию**.

Русская идеология преемственно вырабатывалась, наследовалась, развивалась вместе с *русским народом* в течение тысячи лет его существования **без перерывов**. Благодаря ей — и тем *целям*, которые

ставились на её основании, — уже более пяти веков существует *русское государство*, охватившее собой самую большую (и самую богатую) территорию мира и навсегда избавившее русский народ от внешнего завоевания. Русское государство стало семьёй вошедших под его защиту народов. Оно всегда строилось на прямой связи государей и народа.

Русская государственность во все *фазы* её существования (включая и советскую) преемственно проходит сквозь подъёмы и кризисы благодаря русской идеологии. Русская государственность представляет собой нашу знаменитую на весь мир «матрёшку»: оболочки, включающие в себя другие оболочки, и так вплоть до ядра — крещения Руси и рождения единого русского народа из этого крещения.

Фундаментальный недостаток многих гуманитарно-социальных теорий о «государстве и праве», не позволяющий понять преемственность русской истории, состоит в том, что власть не отличается ими от государства.

Власть почти всегда рассматривается через призму государства, в лучшем случае государство считается политической формой власти, разделением властей, аппаратом власти и т. д. Между тем ***власть, являясь первичным и основным социальным отношением***, конституирующим любой социум, часто ***существует вне*** или вообще ***без*** государства — как в прошлом, так и сегодня. А значит, взаимодействует с государством, вступая с ним в сложные, гармоничные или конфликтные отношения. Причём речь идёт не только о семейной, педагогической, врачебной власти, которые всегда *локальны*, но прежде всего о власти политической, охватывающей социум ***в целом***.

Власть без государства может существовать — как без процедур *подтверждения* её признания (как тирания), так и с таковыми процедурами — как *исходная демократия* (раздел власти), включая случаи *назначенной ею диктатуры*. В любом случае она *признаётся*, поскольку по своей сути является ***отношением добровольного подчинения, принципиально альтернативного насилию***. Насилие может удерживать под контролем лишь небольшие группы людей, которые при этом становятся неэффективными, а само насилие требует силового превосходства. Власть, в отличие от насилия, потенциально способна быть ***властью одного человека над миллионами людей***.

Подвластные **признают** власть. Никакие подвластные никакую власть не порождают, не учреждают и не создают, иначе они бы не были подвластными. **Власть создаёт себя сама**, сама себя утверждает. Монархическая власть опирается на *длительное* признание (формально связанное со способом престолонаследия), поэтому она ответственна, а также суверенна по своему происхождению. Монарха нельзя подкупить, это просто бессмысленно. Демократическая власть открыта всем возможным внешним влияниям, многолика, продажна и, самое главное, опирается на краткосрочное признание, а потому максимально безответственна. Миф о частой сменяемости выборных лиц как о самодостаточном благе держится на иллюзии, что сами *избиратели* есть власть (источник власти). А избранный лишь выполняет **их** волю. **На деле** голосующие *отказываются от собственной претензии на власть в пользу избираемого*. Даже если не осознают этого. Всё это говорит об исторической и духовной *тайне* появления конкретной власти, о её **уязвимости**. Рождение власти, признание концентрирует в себе особый *момент*, нулевую длительность исторического времени, качественный скачок в структуре социума.

Хрупкость, неустойчивость власти самой по себе — а мы столкнулись последний раз с этим явлением при самоликвидации коммунистической **над**государственной политической монополии — главная проблема выживания социумов в истории. Решается она как раз созданием **государств — систем воспроизводства, контроля и нормировки власти, трансляции её специфической и понятной далеко не каждому культуры**.

Именно **различение власти и государства, анализ их взаимодействия, конфликтов и синергии** позволяет **понять исторические особенности развития и уникальность русской цивилизации, созданного ею социокультурного мира, преемственность и развитие её идеологии**.

Яркой иллюстрацией этих особенностей всегда были отношения русских государя и государства, в рамках которых государь как особая инстанция власти создавал (и программировал) государство, служил ему, опирался на него, жертвовал собой ради него, сам был восстановлен в своей роли государством, соединял собой государство и надгосударственную коммунистическую сверх-власть, восстанавливал

ливал суверенитет государства и формировал недостающие властные функции народного государства.

Крещением Руси волей русского государя из многочисленных этнических групп был создан *русский народ* — крестьяне. Вместе с ним родилась и *русская власть*. Она никогда не происходила из внешнего завоевания народа, а росла из нового принципа его единства. *Русское государство* было впервые создано лишь **спустя пять веков** (после преодоления братской междоусобицы князей и монгольского ига) и **сразу как империя**, соразмерная русскому народу и предназначенная вместить и защищать его. Боярской вотчине русским государством был положен конец. Самостийное боярство сменилось служилым дворянством. Оборонительные рубежи последовательно раздвигались в стратегических направлениях. Народное ополчение, руководимое Русской православной церковью, изгнало польскую агентуру (внешнее управление) и восстановило русское правление путём выборов царя благодаря уже существовавшему и способному воспроизводиться, то есть **долгому**, государству. Была пережита проблема теократии (борьбы государства и церкви за власть), приведшая к религиозному расколу народа и отказу (явному или скрытому) большей его части от официальной церкви.

В качестве светского русское государство было окончательно оформлено и модернизировано Петром I, закрепившим за ним *общепризнанный международный статус* империи. Государственная элита начиная с Петра серьёзно опиралась на конфессионально универсальное масонское мировоззрение, заполнявшее идеологический вакуум после утраты русскими теократическими концепциями идеологического значения. Модернизация правящего класса дворян, приспособление его к управленческим требованиям государства были продолжены последующими правителями России. Однако дворянство, отчуждённое от народа, дорого обошлось России. Представления государей о дворянстве как опоре самодержавия оказались *утопией власти*. Крестьянский вопрос, заключающийся в лояльности народа (крестьян) **только государям, но не государству**, привёл на фоне участия страны в Первой мировой войне к *крестьянской революции* 1917 года.

Русское государство находится сейчас в четвёртой исторической фазе своего развития. Каждую из них запустил конкретный русский

государь — и заложенная каждым из них *программа* разворачивалась далеко за пределы их *личного правления*, проходя периоды основания, подъёма и кризиса. **Не смена государей или династий определяла коренные повороты российской истории, а исчерпание и обновление этих программ.** Однако смена государственной модели каждый раз сопровождалась накопительным эффектом, происходил отказ от устаревших элементов, разрешались проблемные вопросы, а **достижения предыдущих фаз не утрачивались, но включались в историческую компетенцию власти и государства.** Что и обеспечило неуклонный рост территории России, её населения. Таким образом, русское государство представляет собой своего рода «матрёшку», в которой каждая последующая государственная оболочка охватывает предыдущую — как бы не «вопреки», а «благодаря» реформам и революциям.

Народным русское государство сделала советская власть под руководством коммунистической партии, вожди которой воплотили в жизнь *народную идеологию* о народном царе. Создание народного государства стало *программой модернизации и самого народа.*

Именно *развитие народа* определило исход Великой Отечественной войны и привело к победе над нацистской Германией. Программа строительства народного государства — народовластия — была **действительной государственной идеологией советской фазы русской государственности**, в то время как представления о коммунизме на деле оказались лишь новой утопией власти (утопия, в отличие от идеологии, непреемственна, поэтому она есть сознание революции). Фактическое построение народного государства привело к **самоликвидации** политической монополии (сверх-власти) коммунистической партии (вместе с самой партией) **за дальнейшей ненужностью.** Отход национальной окраины от русского ядра империи, принятие окраинами ориентации на создание национальных государств (вместо русского имперского единства) показали глубоко **русский** характер первого народного государства. Без защитной оболочки коммунистической диктатуры народное государство советской фазы оказалось *в рамках внешнего управления* и нуждалось в *суверенизации*, в освоении **всех властных функций как во внутренней, так и во внешней политике.** Власть должна была быть возвращена государству.

Основная деятельность Владимира Путина как государя как раз и заключалась в суверенизации построенного советской властью на-

родного государства при сохранении его главного качества — массового участия народа в государственной работе, то есть народовластия. Государственные институты России должны быть настроены именно как механизмы народовластия (народный кадровый состав, нацеленность на народные интересы, солидарность служащих, работающих по найму и самозанятых). Они не должны стать механизмами своеобразного влияния элитных группировок, которые не признают самого существования народа, его солидарной массы, а исходят из утопии общества — конфликта многочисленных групп населения с разнонаправленными и противоречивыми интересами. Именно от успеха русской социальной самоорганизации в воспроизводстве и развитии народовластия зависит дальнейший стратегический успех русского государства.

Русское государство — *долгое* государство. И не только потому, что существует уже более 500 лет. Вопреки распространённому заблуждению, что его преемственность якобы полностью прерывалась несколько раз и «всё начиналось заново», русское государство последовательно преодолевало кризисы, каждый раз побеждая своих внутренних и внешних противников. Суверенитет русского народного государства, качество народовластия — перспектива его развития в текущем столетии.

Уровень государственности, которым мы обладаем сегодня: народная империя и выборная конституционная народная автократия *без надстроенной над государством политической монополии партии* (в отличие от Китая, КНДР, Кубы). Современная Россия строится на рефлексии опыта советского коммунистического народовластия и является продолжением *всей* истории России. Это иное направление развития государственности, нежели предлагаемая нам в обмен на наш суверенитет *глобальная управляемая демократия* с центром власти в США и закулисной финансовой механикой, вошедшая в этап системного кризиса и не способная стабилизировать современные социально-политические системы.

Демократия изначально (а часто по интенции и в современную эпоху) — власть не государства, а *над* ним либо вовсе *без* него. **Демократия как система власти — это альтернатива государству.** Греческое название, переводимое как «власть народа», не должно вводить в заблуждение. В действительности речь идёт *о группе власти*, способной

склонять голосование к нужному итогу. Власть не только в античном полисе (где государства не было вообще), не только в олигархических республиках средневековой Италии, но и сегодня широко представлена вне государства. Страны Европы, как Западной, так и Восточной, принимали над собой власть США (даже не собственной элиты) добровольно — так это и есть старая добрая власть, а не таинственная «мягкая сила».

Управляемая демократия является способом и формой реального вывода власти из контура государства. Используется иллюзия, что выборы *рождают* власть или *воспроизводят* её. Это не так. Выборы сами по себе не решают вопроса о том, откуда взялись претендующие на власть, кто они, что они могут и что будут реально делать. Горе народу, который поверил в то, что *это он за один день создаёт власть* на выборах и что ими можно и ограничиться. Хорошо ещё, если власть при этом и вправду есть, обладает компетенцией правления и укоренена в истории. А если нет? Тогда наступает анархия или внешнее управление (могут сочетаться).

Пытаясь «продать» нам веру в демократию, то есть в самостоятельность выборов (а если не удаётся «продать», то навязать силой), агенты внешнего управления имеют целью прежде всего ликвидировать не только наше государство, но и *нашу* власть, заставив выбирать среди тех, кто будет беспрекословно слушаться указаний внешнего управляющего. *Не должно быть ничего, кроме выборов.* Мы проверили на себе эту концепцию в 90-е — теперь знаем последствия её применения. **Выборы — только один из инструментов, а не предельная форма существования власти и государства.** Именно так употребляют их и все европейские демократии, а также США, где главные выборы — не прямые.

Навязывая нам демократию как предел представлений об устройстве современного (и будущего) общества, нас пытаются отвлечь от анализа и продолжения реального исторического опыта развития нашего государства. А оно (да, да, именно оно) *всегда шло в авангарде социально-политического развития во всей европейской истории.* Европейцы, в отличие от нас, до сих пор вынуждены изживать и переваривать последствия *ксенократического* происхождения и устройства своих власти и государства, последствия *завоевания своих стран чужеземцами*, от которого не удалось освободиться. Мы

от инородного завоевания освободились и более не допускали его с XV века. Поэтому **русское государство строилось на прямых отношениях народа и власти в обход элит (за исключением времени крепостного права и доморощенной элиты этого периода), которым отводилась только служилая роль.** А вот элиты как раз и стремились к демократии и конституции, чтобы занять место посредников в осуществлении власти, поставить в зависимость от себя и народ, и государя, избавиться от долга служения.

Европейские государства столкнулись с капиталом — новым видом элиты, основанной на экономическом использовании научного знания Нового времени и на эксплуатации труда, как непосредственной власти над пролетариатом — человеком, лишённым всего и *даже собственного тела* (над крестьянином такой власти не было, он во многом сам решал, что, как и когда будет делать). **Капитал осуществил мечту аристократической элиты — встал над государством и снял с себя ответственность за него.** Традиционную ксенократическую европейскую элиту сменила буржуазная.

Русские же первыми в истории перешли к народовластию — радикальной альтернативе цензовой и тем более управляемой демократии. Они упразднили элиту как таковую. Именно народовластие поставило капитал под контроль государства, модернизировало государство и преодолело затяжной европейский кризис государства Нового времени. Впервые были построены народное государство и народная автократия. Русская элита, отказавшаяся служить государству и противопоставившая себя народу, погибла. Многие из её состава пошли служить народному государству. **Попытка подменить вопросом о демократии вопрос о народовластии и его историческом значении, то есть о его значении как ресурса государственности, есть основное направление идеологической диверсии и агрессии против нас.** Для буржуазной (цензовой или управляемой) демократии народ — это «чудовище, которое требуется обуздать».

Русское суверенное народовластие представляет собой цивилизационную альтернативу управляемой демократии. Именно его гарантом является современный русский государь, президент России Владимир Путин. При самом широком применении выборных процедур государство стабилизируется не ими как таковыми, а фактическим **взаимным** доверием власти и народа. Мы не идеализируем

институт представительства *сам по себе*, понимаем границы его эффективной применимости. Представительство на деле обеспечивает учёт только *частных* интересов. Защита же *общих* интересов должна быть гарантирована **всей** стратегией народного государства. Политика народного государства *в целом* должна обеспечить устойчивое (иногда квалифицированное) **большинство, которое всегда есть эффект признания политического авторитета народа его народным государством**. Системная лояльность народа народному государству основана на признании последнего **инфраструктурой исторического существования народа, системой его жизнеобеспечения**.

Управляемая демократия Запада работает принципиально иначе. При формальной «всеобщности» она представляет собой механизм манипулирования со стороны элит *хаосом борющихся меньшинств*. Согласно западному демократическому идеалу, **большинства не должно быть вообще**, а если оно всё же складывается, меньшинства должны держать его в страхе и под прессом. Управляемая демократия **не признаёт народ как таковой**. Большинство должно быть *терроризировано меньшинствами* и нейтрализовано.

Сегодня возможности русской стратегической обороны впервые в истории вышли из догоняющего режима и позволяют перехватить мировую инициативу в предложении пространств коллективной безопасности. Что открывает перспективы долгосрочного хозяйственного развития наших систем народного жизнеобеспечения, управления освоением территории, роста вкладов в образование, здоровье и семейные ценности граждан России без разрушительного влияния спекулятивно-манипулятивных политических и финансовых воздействий противника.